

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИВРЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

[27.03.2004] // М.Ю. Медведев

Этимология термина (позднелат. *liberare* - раздавать) напоминает о практике раздачи довольствия - и в том числе одежды - членам свиты, челядинцам, воинам. Говоря о ливреях, мы прежде всего имеем в виду одежду, расцветка которой указывает на определенного господина. Одежды, повязки “хозяйских цветов” носились слугами и подчиненными; ливрейные цвета могли носить и ближайшие приближенные господина, и он сам. Эти же цвета широко употреблялись в знаменной практике (на различных вымпелах, штандартах), при украшении помещений и мест торжеств. Наряду с цветами использовались и ливрейные знаки (которые, как представляется, могут быть отождествлены с геральдическими изобразительными - или “немыми” - девизами). На одеждах, на флагах, в публичных местах и т.п. ливрейные девизы могли появляться как вместе с ливрейными цветами, так и сами по себе, выполняя аналогичную функцию обозначения. Одной из форм ливрейного убранства были цепи - ожерелья, звенья которых воспроизводили девиз.

Политическая маневренность, ставшая столь необходимой для сеньоров XIV-XV веков, уже не могла довольствоваться слишком устойчивыми гербовыми формами; усложнение социальных структур вело к складыванию нового, более подвижного круга эмблем, способного маркировать отряды, группировки, политические сообщества и т.п. Эта тенденция отнюдь не вела к вытеснению гербов, поскольку обозначавшиеся ими явления и связи продолжали играть в жизни общества основополагающую роль. Новое знаковое взаимодействие сложилось как внутригеральдический феномен, в тесной родственной связи с гербами.

“Метрополией” ливрейных обычаев принято считать Англию, значительное развитие они получили во Франции; но круг их распространения был много шире - достаточно вспомнить повязку и зимородка, служивших девизами Вячеславу Люксембургскому, королю Чешскому и государю Священной Римской Империи, или девизы, приводимые Конрадом Грюненбергом. Вполне близкой аналогией девизной маркировке придворного быта выглядит знаковая практика немецких турнирных обществ (эмблемы обществ, знамена с этими эмблемами и т.д.). В значительной мере общества должны были являть коллективно создаваемую замену придворной жизни. Отсюда и своеобразные общие девизы, возникавшие там, где геральдика была особенно чуткой к коллективному и где не оказывалось “местного короля”. Велико искушение сделать вывод о том, что, подобно геральдике в целом, ливрейно-девизные обычаи были отмечены значительной цельностью, несмотря на богатство форм и широкое распространение.

Между тем, в историографии существует - если не господствует - традиция прямо противоположного свойства. Акцентируются внутренние рубежи ливрейно-девизной культуры (как территориальные, так и жанровые), специфические черты отдельных групп памятников. Так, применительно к британским девизам Х.С. Лондон высказал предположение, разделяющее личные, “хозяйские” девизы, служащие самоидентификации владельца (более простых форм, часто - неодушевленные предметы), и обозначающие сообщество подчиненных - на них как бы лежит тень корпоративности. Есть и опыты распространения исследовательской методики Лондона на изучение небританского материала. Аргументация Лондона и его последователей представляется крайне спорной. Т. Вудкок и Дж.М. Робинсон констатируют, что бестиарный девиз часто помещался на вымпеле (*standard*) на фоне ливрейных цветов, в сопровождении повторяющихся предметных девизов и усматривают в

этом подтверждение того, что бестиарный знак является хозяйским, а предметный ливрейным, и что это разные геральдические явления. Между тем на подобных вымпелах различные девизы как раз оказываются объединены общей композицией, общим ливрейным фоном; и вполне естественно, что более простые по форме предметные девизы повторяются несколько раз, уравнивая фигуру животного.

Мы можем предположить, следуя Лондону, что “делатель королей” граф Уорик (Warwick) предпочитал узнавать себя в медведе, а своих воинов - в суковатых поленьях, изображавшихся при помощи аппликации на ливрейных униформах. Но будет ли это предположение достаточно обоснованным? Прежде всего “the ragged staff” гораздо легче вырезать из ткани и нашить на одежду, нежели изображение медведя. Другой способ использования ливрейных девизов - ношение небольших (часто литых) фигурок, пришитых или привешенных к одежде, - более располагает к воспроизведению животных. Если же средства позволяли, девизное животное могло воспроизводиться самыми различными способами: так, коронация Ричарда III была отмечена, в частности, украшением интерьеров и снаряжением свиты несколькими тысячами шкур белых вепрей. “Книга девизов Барнарда” из собрания Гербовой Коллегии дает впечатляющий перечень ливрейных зверей, использовавшихся в военной практике. Согласно этому же манускрипту, Уильям Гастингс, лорд Гастингс (ум. 1483), в качестве ливрейного девиза во время французской кампании 1475 г. имел черную оторванную голову быка с золотыми рогами и короной на шее (будучи не животным, а лишь частью его тела, эта голова относится к числу предметных девизов). Другой современный источник свидетельствует об ином девизе этого же персонажа, мантикоре. Значит ли это, что - как полагают некоторые авторы - мантикора имела характер собственного знака лорда, а голова быка была дистанцирована от хозяина и служила знаком его отряда? Безусловно, не значит, поскольку голова быка была нашлемником Гастингса, его собственным геральдическим “вторым лицом”, и в этом качестве проецировалась на ливрейные облачения. Можно привести множество подобных примеров того, как комплекс «хозяин-отряд-челядь» мог маркироваться девизом-животным “донизу”, а девизом-вещью “доверху”.

Показательны приводимые А.Ч. Фокс-Девисом строки из “Политического стихотворения” 1449 г., в которых обыгрываются девизы влиятельных персонажей. Такой пассаж, как “Рыбак потерял свой Крючок” (речь идет об Уильяме Невилле, графе Кентском, девизом которого был рыболовный крючок) может быть понят как пример разграничения хозяина и девиза. Но ряд других примеров показывает, что девиз чаще всего прямо отождествлялся с хозяином, и предметы в этом случае выступали наравне с бестиями. Так, обсуждаются взаимоотношения белого льва и обезьяньего “груза” (соответственно - герцоги Норфолкский и Суффолкский). В этом контексте и неприятность, случившаяся с рыбаком, выглядит как своего рода самопотеря.

Иногда, стремясь отметить внутренние границы жанра, гербоведы подчеркивают разницу между девизами-животными, от которых произошли щитодержатели (“интимно” связанные гербом и его владельцем), и девизами-предметами, столь значительной роли не сыгравшими. Такое суждение не достаточно осторожно; известно множество геральдических убранств, в которых предметы занимают место “щитодержателей” по сторонам щита. Примеры этой практики есть и в Британии, и на континенте. Кстати, на континенте мы находим еще меньше оснований для какого-либо противопоставления девизов-бестий девизам-вещам. Один из ярчайших образцов - савойский узел, “связывающий глав и членов династии с их сторонниками разных рангов”.

Порой носитель ливреи (девиза) оказывался в положении хозяина носимой им эмблемы. Так, в 1409 г. Николо I д’Эсте, маркиз Феррарский, в воздаяние заслуг Муцио Аттендоло Сфорца пожаловал ему штандарт с тремя переплетенными перстнями (девизы д’Эсте). Независимое поведение полководца привело к тому, что три перстня стали служить собственным знаком отряда и его командира, а полвека спустя уже упоминались применительно к сыну Муцио - герцогу Франческо - в одном ряду с другими девизами, воспринятыми Сфорца и Висконти.

Прослеживая историю отдельных девизов, мы порой обнаруживаем, что одни больше употреблялись как хозяйские, другие - как челядинские. Но это различие в употреблении само по себе отнюдь не означает некоего сущностного жанрового различия; и тем более сомнительным кажется существование сколько-нибудь отчетливой жанровой границы.

Выше шла речь о коллективных девизах германских турнирных обществ. В принципе коллективные ливреи (и девизы) были распространены чрезвычайно широко. Разнообразные братства и благородные сообщества имели свои облачения, отличительные знаки, испытывавшие значительное влияние цельной культуры ливреи. Цепи светских орденов происходят непосредственно от цепей ливрейных.

Ордена являлись корпорациями, образовывали ореол вокруг их суверена и, наконец, апеллировали к святым покровителям и свыше данным принципам рыцарства: три фактора знакового оформления. Соответственно, орденские цепи могли состоять (и иметь подвески) из звеньев в виде девизов государя-учредителя, в виде изображения или атрибута святого, в виде благочестивого символа и в виде собственной эмблемы рыцарской корпорации. Так, золотое руно - знак одноименного ордена, общее достояние кавалеров - висит на цепи, составленной из огнив и кремней, т.е. на девизно-ливрейной цепи суверена ордена. Цепь арагонского Ордена Кувшина (или Лилии), учрежденного королем Фердинандом I, напротив, была составлена из марианских символов (кувшиноподобные вазы с лилиями), а знаком-подвеской служил королевский девиз (грифон). Знаком Ордена св. Михаила во Франции стало изображение патрона, подвешенное на цепи из раковин (паломничество) и узлов (узы верности, дружбы, любви; позднее заменены минимитскими вервиями). В оформлении знаков орденов Полумесяца и Дикобраза появляется кольчуга как символ рыцарства и т.д. Подобное соединение знаков земного и небесного авторитета, власти монарха и власти вечных принципов было существенным элементом "религиозной легитимизации" власти, в свою очередь тесно связанной с ранними этапами юридического самоутверждения государства и государя. Прямое обращение к святому покровителю встречается в ливрейной практике за пределами деятельности орденов и братств. В 1359 г. король Арагона Петр IV Церемонный установил общий знак для своих воинов - герб св. Георгия (красный крест на белом фоне). Конкретный хозяин ливреи здесь выступает как представитель святого. Культура "национальных крестов", наследовавшая символике крестоносцев и воспринявшая религиозный пафос вместе с полубытовым значением оберега, явилась одним из факторов складывания ливрейных обычаев и достаточно полно интегрировалась в оные.

Вообще можно заметить, что граница между священным образом-оберегом и девизом могла легко стираться. Об этом свидетельствуют, в частности, описываемый Фруассаром спор маршала Франции Жана Клермонского с сэром Джоном Чезэндосом перед битвой при Пуатье; предметом спора явился одинакового вида образ Божией Матери в сиянии на одеждах обоих воинов. Речь шла об узурпации чужого девиза. Фон этого спора - стремление аристократии "узнать себя" в идеалах веры и рыцарства - убедительно описан Р. Деннисом; в этом контексте естественны и содержание, и острота словесного поединка, и его любовное завершение.

Позднесредневековые придворные игры-обеты, использование символических цветов, турнирные спектакли в значительной мере были эфемерными аналогами "настоящих" орденов и государственных торжеств и также были связаны с ливреями. Девиз и ливрея Черного Принца - перо страуса с "душой" ICH DIENE (см. рис.- *Прим. ред.*) и черный цвет - в боевой ситуации употреблялись как вспомогательные (для отряда, вымпела принца, сам же он был "одет в герб"); на турнире же герб вытеснялся девизом, перья и черный цвет занимали место на щите Эдуарда (т.н. "щит для мира"). Примечательно, что разделение между боевым и потешным снаряжением не означает разрыва между боевыми и потешными знаками. Герб слишком важен, чтобы участвовать в забаве, но девиз и цвет ливреи оказывались пригодными в любой ситуации. Двор Рената Анжуйского - "Доброго короля Рене" является не менее яркие случаи обыгрывания ливрейных цветов в ходе турнира.

Судя по всему, монограммы также занимали место в пределах ливрейной традиции, служа средством идентификации наподобие девиза. В этом смысле совершенно правы князь Карел Шварценберг и его чешские последователи, рассматривающие в одном ряду немые девизы и современные им королевские «вензелевые имена».

Теснота единого контекста, образуемого всем изобилием описанных выше форм побуждает говорить о девизах и ливреях вообще как о единой практике, о девизном жанре внутри этого явления и, наконец, о геральдике в целом, образовывавшей знаковую систему, в пределах которой гербы, девизы, хозяйские цвета дополняли друг друга. Во множестве регионов проявилось стремление людей влиятельных, не довольствуясь врожденной исключительностью, подкрепить свое положение морально (внешним величием, ритуалами, знаковым богатством) и материально (в том числе и путем формирования круга приближенных, последователей и т.д.); на скрещении этих мотивов и формируется межрегиональный феномен ливреи.

Дошедшие до нас сведения о девизах отрывочны, и М. Пастуро не случайно сетует в своих работах на отсутствие генеральных «каталогов», обобщающих сборников, которые могли бы послужить основой для систематического рассмотрения. Даже в Англии с ее изобилием позднесредневековых девизных сводов систематизация заключенных в них сведений мало усовершенствовалась после А.Ч. Фокс-Дэвиса. Сведения о бытовании девизов (и - шире - ливрей) еще более скудны и дробны. Пожалуй, именно в практике, в порядке употребления наиболее полно отразилась их социально-правовая специфика, но проследить ее порой непросто. Мы можем быть признательны тем, кто - как Черный Принц в своем завещании - планировали и описывали многозначительные, информативные геральдические ритуалы. В случае с Черным Принцем они позволяют судить, что девиз (перо) и ливрейный цвет одежды служили ему как в бою, так и в мирное время. Насколько это типично для Англии? Для ливрей на континенте? Насколько характерным в тот или иной период, в том или ином регионе было складывание объединенного девизом или ливреей знакового целого «хозяин-отряд», «хозяин-приближенные»? Поиск необходимых сведений в хрониках, завещаниях, описях имущества и т.д. представляет собой самостоятельную эвристическую проблему.

Упадок ливрейной культуры можно связать с некоторыми конкретными датами и событиями: завершение Войны Роз с ее партийными усобицами и воцарение Генриха VII в Англии; правление Людовика XI и присоединение могущественных герцогств к короне - во Франции. При этом уничтожается внутренняя цельность. Пути традиций, восходящих к ливреям, расходятся. Турнирная, орденская, знаменно-флаговая и другие сферы эмблематики стремительно теряют взаимозависимость, а девизы, в большинстве своем приобретая значение аллегорий, порывают с эмблематизмом. В то же время некоторые немые девизы интегрируются в гербовую практику в качестве нашлемников, щитодержателей и т.д. Распад позднесредневековой «знаковой империи» геральдики завершается признанием прав преемства за развивающимся гербовым жанром.

Исследователь наших дней невольно проецирует современную ему дробность на средневековый материал, порой вводя жесткую рубрику (типологическую, социальную, региональную или иную), обосновывая ее сообразно своим историческим воззрениям и не удовлетворяясь расплывчатой терминологией позднего средневековья. Однако более адекватным природе памятников может представляться признание относительной цельности ливрейно-девизной традиции Средневековья и ее маргинально-геральдического характера.

* * *

Впервые опубликовано в сборнике: Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. М., 1997. №8. С.26-30.